

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Поздравляем Николая Николаевича Чурилова!

Николай Чурилов — один из ведущих социологов Украины — пришел в социологию в середине 70-х годов прошлого столетия. Будучи математиком по образованию, он поступил в аспирантуру отдела социологии, выбрав в качестве диссертационной темы вопросы организации выборочных социологических исследований. С этим направлением были преимущественно связаны и дальнейшие его исследования, результаты которых отражены в нескольких монографиях, в статьях и разделах коллективных монографий, опубликованных во многих странах. Так что научная карьера Чурилова сложилась вполне успешно, и он по праву считается первым специалистом по выборке в Украине и одним из первых на постсоветском пространстве. Но особенно важна его роль организатора социологической науки. Еще в 1982 году он в сотрудничестве с В.И.паниотто и московскими социологами разработал первую репрезентативную для населения Украины выборку в рамках всесоюзного исследования “Образ жизни советского человека”. В 1991 году они с Наталией Паниной создали выборку для международного сравнительного исследования политической культуры, принципы построения которой оказались настолько удачными, что она до сих пор используется и в мониторинге Института социологии, и в работе известных социологических служб. За долгие годы работы в социологии Чурилов немало сделал для институционализации и развития социологии в Украине. В конце 1980-х он возглавил Центрально-Украинское отделение ВЦИОМ, в начале 1990-х создал один из первых коммерческих опросных центров “СОЦИС”.

Николай Чурилов был первым заместителем директора созданного в 1990 году Института социологии НАН Украины, сыграв важную роль в становлении института как центра развития социологии в независимой Украине. Мой личный опыт сотрудничества с Николаем Чуриловым связан с исследованиями социальных проблем, касающихся работы и образа жизни первых ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС в 1986–1987 годах. Жить и работать в зоне аварии, особенно когда еще не был перекрыт взор-

вавшийся атомный реактор, готов был далеко не каждый социолог. По результатам этого исследования была опубликована монография “Человек в экстремальной производственной ситуации”. Это уникальный документ эпохи, который появился во многом благодаря энтузиазму и личному мужеству Николая Чурилова. Немало добрых слов заслуживает юбиляр за его выдающийся вклад в осуществление проекта социологического мониторинга Института социологии НАН Украины. А тот факт, что он многие годы преподавал социологию в ряде университетов, стал значимым вкладом в то, что в Украине сегодня нет дефицита в специалистах, способных рассчитать любую выборку и грамотно организовать массовый опрос.

Решающую роль сыграл Чурилов и в том, что в Украине регулярно проводятся экзит-поллы в общенациональном и региональном масштабах. Первый экзит-полл 1998 года был осуществлен его фирмой “СОЦИС”. Будучи научным консультантом проекта, я поначалу отговаривал Чурилова от этого своеобразного эксперимента, опасаясь, что результаты могут оказаться далекими от реалий. Но прав оказался он. Используя международный опыт и учтя рекомендации ведущих методологов Украины (Владимира Паниотто и Наталии Паниной), он провел опрос на выходе с избирательных участков на выборах в Верховную Раду, который вдохновил и другие социологические центры на проведение такого рода опросов. Николай Чурилов является одним из учредителей ежегодного конкурса “Лучший молодой социолог Украины”, победителям которого ежегодно вручаются премии имени Наталии Паниной. Так же, как когда-то он поддержал проект социологического мониторинга, так сегодня он поддерживает конкурс молодых социологов, что крайне важно для воспроизводства социологического сообщества Украины. От всей души поздравляю его с юбилеем и желаю сохранять свой уникальный энтузиазм многие-многие годы.

Евгений Головаха

Николай Чурилов как часть собственной речи

Люди как части речи — вполне подходящее основание для всяческих социальных, культурных и прочих идентификаций и классификаций. Здесь есть где развернуться: в украинском языке их приблизительно 11, в русском — 12, хотя специалисты могут привести и несколько отличные данные. Из основных, напомним, это, конечно же, существительные со своей категоричностью называть, нескрываемой претензией на неоспариваемое достоинство. Еще — выразительные, несдержанные, ускользающие из-под контроля наречия (особенно популярные в последнее время), и беззащитные перед суффиксами преуменьшения прилагательные, безликие, но нередко и самодовольные числительные, тихо или ярко шипящие причастия, разводящие всех и вся по разным углам местоимения. А есть еще глаголы, которые суть непрерывное становление, энергия, подвижность, возмутители и организаторы порядков. Наш коллега и, надеемся, друг Николай Николаевич Чурилов определенно из последних — безапелляционно очевидный глагол. В правилах эта часть речи проста и понятна: действовать и побуждать к действию других. И многие это Прекрасно знают, испытав на себе. Если проблемы с выбор-

кой — бежим, звоним к Н.Н., посылаем к нему соискателей, которые и без того вытягиваются в вереницу получить “добро” последней инстанции в этом вопросе — или, напротив, разгромный вердикт. Простота, конечно же, только кажущаяся, потому как речь идет об уникальном (именно!), присущем исключительно нашему юбиляру способе “глаголить” в случающихся обстоятельствах, а точнее — способе жить, которому он следовал всегда и следует ныне. Лишь некоторые штрихи и доказательства этой особой экзистенции.

Тотальная несовместимость с бездействием. Ну, не доводилось нам и, полагаем, всем прочим видеть Н.Н. в задумчивом безделье, озадаченным или сомневающимся. Имеются две версии относительно того, как происходит у него вся подобная работа — вопрошание, поиск ответов, сомнения, принятие решений и готовность действовать, — интимный, не выставляемый, по определению, напоказ процесс. Первая версия — похоже, что во сне, поскольку, по нашим наблюдениям, больше нигде. Вторая — непостижимо быстро, вообще не требуя времени, предвосхищая алгоритмы скоростных компьютеров. Непрерывное движение, какая-то естественная и впечатляюще сильная неусидчивость, препятствующая оставаться на месте, просто пребывать — индивидуальная особенность, бросившаяся в глаза уже при первом знакомстве. Наслаждение негой и ничегонеделанием по буддийским или местным рецептам, сладость тишайшего, ни к чему не обязывающего созерцания никогда Н.Н., увы, не были доступны. Перед этими искушениями он непреклонно стоек, в отличие от многих, кто не противится уступать их соблазну, без принуждения впадая в объятия ожиданий и индифферентности. Впрочем, нет, — не стойкость, но противопоставление им неутихающей активности, выходящей за пределы его собственных дел и доброжелательно достигающей, при надобности, его друзей, включая и нас.

Энергия не бесстрашна. Для поддержания спортивной формы — пристроиться на какие-то доли ставки при теннисном корте (на месте нынешнего Михайловского собора; функциональные обязанности — незатейливы, вознаграждение легко принять за символическое). — При возможности сыграть несколько партий (и вовсе не в поддавки, а всерьез) с научным руководителем В.Л.Оссовским, конечно же, в лаун-теннис — и делиться со всеми подряд радостью одержанной победы. — Найти подработку преимущественно физического труда к аспирантской стипендии и привлечь к ней сокурсников: статус аспиранта и занятие умственным трудом в те времена не требовали видимого соответствия. Вести, вместе с В.И.Паниотто, фотолетопись событий, регулярных и стихийных празднований в первых социологических отделах с какими-то совершенно удивительными портретами. И это вам не теперешние цифровые штучки и *сору*-центры, а морока с пленками, проявителями-закрепителями, фотоувеличителями, фотобумагой. — Привить страсть к велосипеду коллеге и совершать по выходным весной и осенью отнюдь не в прогулочном темпе многокилометровые поездки по незапруженным еще автомобилями дорогам южной оконечности Киева. — Принести в отдел журналы с детективом для всех желающих, “закрученным до невообразимости” (что неудивительно ввиду простого отсутствия в этой стопке первого номера, о чем Коля не подозревал), и захватывающе ликовать по поводу собственной пронизательности и пересиливания, казалось бы, невозможного. — А еще: первым из аспирантской когорты подготовить канди-

датскую диссертацию и, не дожидаясь открытия совета по защитах в Институте философии, отправиться в Москву и там блестяще “остепениться”.

Привычно считать, что этот мир полон непреодолимостей, но едва ли нашему юбиляру такое мнение по душе. Всегда он вел себя так, будто непреодолимости — это непроверенный, скорее, даже не стоящий проверки, слух. Так, по крайней мере, нам все это виделось и видится.

И, конечно же, Валя-Валюша, милая и мудрая, неизменно приветливая, студенческая страсть и непоколебимая поддержка. Совсем из других классификаций, но устойчиво соединима и с данной: по одиночке они не воспринимаются, только вместе. Да, повезло, надо сказать, нашему другу Коле с такой благосклонностью судьбы...

“Вот если бы не социология, тогда что?” — подобный вопрос поставил бы нас в затруднение: ответ многоальтернативен, хотя бы из-за спорности возможных областей приложения всех наших склонностей и способностей, которые, сетуем мы обычно, непременно дали бы о себе знать, сложись все иначе. Не то, что с нашим любимым Н.Н. Его-то задатки и влечения как раз очевидны — неординарные опции самоосуществления, пусть и не реализованные с особым размахом, всегда обнаруживались явственно и впечатляюще. Подъем до высших ступеней спортивного мастерства был ему по плечу — половину этой иерархической лестницы в велоспорте на шоссе он прошел еще весьма юным. Выбор такой специализации в физических упражнениях отнюдь не случаен: добраться до финиша через все “не могу” и препятствия на пути — знак и свидетельство ничем не смущаемого, упирающегося в самую себя внутреннего настрой стремиться, наवरстывать, достигать. А наслышанным о прекрасном владении Н.Н. песенным репертуаром 1960-х (достоверно неизвестно, пополнялся ли он позже) и о вдохновенной истории, как когда-то на конкурсе молодых исполнителей он обошел в оценках жюри саму Софию Р., легко вообразить его успешную эстрадную карьеру, пойдя он этим путем. А если приплюсовать еще и технику бальных танцев (почти единственный из мужской половины первых социологов, кто изящно вальсировал), ну и, конечно же, неутомимость в продвижении к влекущему, некую природную предприимчивость, неизвестно, кто бы побеждал на форумах Евровидения. Небеспочвенные — как иначе расценить совместимость гоночного велосипеда и концертных подмостков — фантазии, скорее всего, бывают, а значит, стоит ли сомневаться в том, что перед нами тот самый случай высокой предсказуемости конечного результата. Так, вероятно, и было задумано.

Неугомонность в делах, организованность, знание видимой и потаенной природы социальной материи и поведения людей нашли применение в 1980-х и далее. Сначала — в формировании первой опросной сети и всего необходимого для национальных обследований, а потом — и в бизнесе на основе нашей дисциплины и не только. Единицы из нас с чистым сердцем могут сказать: вот этого в отечественной социологии до меня не было, теперь же есть. А вот Н.Н. не просто может — имеет право. Еще раньше, и в то время особенно, проявилась у него и явно дюркгеймианская (иные бы сказали эмпирическая, позитивистская) познавательная установка: социальные факты как вещи обладают измеримыми качествами и свойствами. И тогда работа исследователя сводится к простой схеме: правильно определить факты как

вещи, сформировать выборку и собирать информацию, измерять, регистрировать. А все прочее остается за кулисами, в тени — трудноисполнимые нюансы организационных и расчетных процедур нашей отрасли знания, без компетентности в которых сегодняшний юбиляр ни за что и ни при каких обстоятельствах не признает в вас социолога. Что уже из области независимости и прямоты его суждений и оценок, невзирающих на лица, но всегда небезосновательных и никогда предвзятых или голословных, хотя, наверняка, излишне громогласных и не умиротворяющих слух, как, собственно, и подобает истинным глаголам.

В общем, Н.Н. без социологии и обошелся бы, пожалуй, но мы-то знаем, что эта страсть неукротима, *éternelle passion*. Тем более, что наша родная, отечественная наука в его отсутствие, похоже, многого не досчиталась бы или досчиталась бы, но с изрядным запаздыванием. А это значит — наш юбилей состоялся как часть своей собственной профессиональной речи и речи своей жизни. Здоровья тебе, дорогой Н.Н., без устали исполняй замыслы и желания, береги свою чрезвычайную неумность в достижении внезапно, но ко времени, замаячивших у горизонта целей.

Наталья Костенко, Сергей Макеев

Как все начиналось: первый ВЦИОМ и многое другое Борис Докторов: интервью с Николаем Чуриловым

Доктор социологических наук, профессор, лауреат государственной премии Украины в области науки и техники” за 2016 год, генеральный директор компании “TNS Ukraine” Николай Николаевич Чурилов рассказывает, как создавалось и работало в конце 1980-х — начале 1990-х Центрально-Украинское отделение ВЦИОМ. Хотя во всех других республиках и регионах бывшего СССР по-своему решались проблемы формирования выборов, по-разному проходил процесс рекрутирования и обучения интервьюеров, воспоминания Николая Чурилова помогают понять общий механизм создания системы проведения первых всесоюзных опросов общественного мнения.

Борис Докторов: *Николай, не мог бы ты для начала рассказать о том, как ты стал социологом?*

Николай Чурилов: Работать и, тем более, увлекаться социологией я начал совершенно случайно в начале октября 1970 года. Я учился на математическом факультете Черновицкого госуниверситета, на стационарном отделении и планировал работать по специальности, заниматься только математикой. Моим руководителем был профессор Карл Морицевич Фишман, он окончил Венский университет и имел ряд очень серьезных работ. Он согласился быть моим научным руководителем в аспирантуре, и к моменту окончания университета у меня уже было опубликовано несколько работ по математическому анализу. Но все изменила моя сумасшедшая общественная активность. С первого курса я активно принимал участие в общественной жизни факультета: был комсоргом группы, курса, отделения, а на четвертом стал комсоргом факультета. Но на этом я не остановился, и на пятом

курсе меня избрали секретарем комитета комсомола Черновицкого университета. Это мне и помешало поступить в аспирантуру осенью 1970 года, поскольку, когда принимались заявления в аспирантуру, я был комсоргом университета. Меня освободили с должности секретаря комитета комсомола только в середине октября, но набор в аспирантуру уже был завершен. И мне ректор университета предложил временно поработать в только что сформировавшейся лаборатории социологических исследований при кафедре философии университета. К своей работе я относился легкомысленно (хотя был вынужден читать литературу, поскольку о социологии я почти ничего не знал) и, видя себя только математиком, продолжал сотрудничать и готовиться в аспирантуру со своим руководителем. Но в начале января 1971 года профессор Фишман сообщил мне, что он эмигрирует в Соединенные Штаты. Таким образом, я остался абсолютно один, так как по специальности, которой я занимался почти три года, ни один преподаватель кафедры не работал. Менять специальность по математике я не захотел — не видел того научного руководителя, с которым я смог бы работать в дальнейшем. Поэтому мне ничего не оставалось, как серьезно заняться социологией. И здесь я акцентировал свое внимание на организации самого исследования, методах и анализе социологической информации. Это было для меня ближе, так как я достаточно неплохо владел математическим анализом.

Я проработал в лаборатории социологических исследований до сентября 1976 года. За это время я объездил почти всю Украину и провел исследования в десятках вузов различных городов. Наша лаборатория изучала становление и формирование мировоззренческих ориентаций у студенческой молодежи. Были опрошены тысячи студентов по весьма громоздким анкетам. Первые годы информацию мы обрабатывали вручную. Но это было довольно неудобно, и мы могли получать исключительно одномерные распределения. При этом мы теряли огромное количество информации. Через два-три года к обработке информации подключились программисты, и обработка уже велась на ЭВМ. Это сразу же дало возможность оценить полученные данные с различных точек зрения.

Я активно “входил” в новую для меня специальность — перечитывал доступную для меня (я тогда жил в провинции — в Черновцах) литературу, отдавая предпочтение работам Ядова, Здравомыслова, Грушина, Рывкиной, Саганенко, Петренко и пр. Часто ездил на научно-практические конференции, встречался и общался с многими людьми. Я старался определить ту область социологии, в которой работал бы в дальнейшем. Определяющим моментом стала книга В.И.Воловича “Надежность информации в социологическом исследовании”. Прочитав ее, я понял, что должен в дальнейшем серьезно заниматься вопросами выборки, организации и проведения социологических исследований. За два года (сказался характер холерика) я “накропал”, как мне казалось, неплохую диссертацию и в 1976 году с ней появился в Киеве у Воловича, который в то время работал в Институте философии Академии наук Украины в отделе социологических исследований, которым руководил В.Ф.Черноволенко. Через день, когда я пришел, чтобы узнать отзыв о своей работе, Волович, ничего не говоря, подвел меня к Черноволенко и сказал, что я — готовый кандидат в аспирантуру.

Так начался Киевский этап моей трудовой деятельности. После окончания аспирантуры и защиты в 1980 году диссертации в Москве в отделе

В.Г. Андреевков я остался работать в отделе Черноволенко — сначала младшим, а через несколько лет и старшим научным сотрудником. Именно в это время я начал активно сотрудничать с Владимиром Паниотто. Мы часто общались и обсуждали интересующие нас проблемы. Так, в начале 1980-х годов мы впервые если не в Советском Союзе, то в Украине точно — сформировали опросную сеть для социологической лаборатории при Госкомитете Укртелерадио. Были сформулированы основные принципы формирования территориальных выборок, разработаны все документы, определяющие порядок проведения опросов и качество работы опросной сети (эти документы в конце 1980-х были положены в основу рабочей документации для опросной сети трех отделений Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)). Через несколько лет мы совместно с Владимиром Рукавишниковым опубликовали в Москве монографию по методике и организации социологических опросов.

Так что в 1987 году, когда Татьяна Ивановна Заславская предложила мне возглавить Центрально-Украинское отделение ВЦИОМ, я располагал достаточно большим опытом организации и проведения социологических исследований.

***Б.Д.:** Да, согласен, опыт у тебя был немалый и разнообразный. Где и как ты впервые встретился с Татьяной Ивановной? Как ей виделось твое участие в работе ВЦИОМ? Насколько быстро удалось решить оргвопросы?*

Н.Ч.: Впервые я встретился с Татьяной Ивановной еще в 1980 году, когда я приехал в Новосибирск со своей диссертацией. В то время с Татьяной Ивановной работали несколько специалистов (И.Б. Мучник, И.В. Рывкина), которые своими советами могли мне помочь подготовить диссертационную работу к защите. И эту помощь мне оказали. Я затем несколько раз встречался с Татьяной Ивановной на конференциях и всегда поражался ее профессионализму и умению доходчиво излагать свои взгляды для разношерстной аудитории, представленной на этих конференциях. Поэтому, когда я узнал от своих коллег о том, что Татьяна Ивановна организует Всесоюзный центр изучения общественного мнения и вместе с ней в этом центре будут работать Юрий Александрович Левада и Борис Андреевич Грушин, я сразу решил, что я тоже должен работать во ВЦИОМ.

И мне в очередной раз повезло. В октябре 1988 года в Киев приехал представитель ВЦСПС (ВЦИОМ формировался при ВЦСПС и комитете Госкомтруда СССР) Владимир Георгиевич Веретенников, который встретился и провел переговоры с несколькими моими коллегами и со мной в том числе. Мне задавались различные вопросы о моем участии в различных социологических исследованиях, о моем профессиональном опыте, о моей научной деятельности и прочее. Веретенникова интересовало, как, если я буду руководителем Центрально-Украинского отделения ВЦИОМ, будет организована работа отделения, кого я планирую привлечь к работе центра и ряд других вопросов. Для меня было неожиданностью, когда через несколько дней мне поступило предложение приехать в Москву и встретиться с Ю.А. Левадой. В беседе с Юрием Александровичем я узнал, что моя кандидатура вполне устраивает руководство Центра, и мы обсудили с ним ряд практических вопросов: где мы будем находиться, с кем сотрудничать в центре и пр. После встречи с Юрием Александровичем состоялась встреча с Татьяной Ивановной, где об-

суждались также организационные и финансовые вопросы. Я был ошеломлен, когда узнал о планируемой нагрузке на отделения. Трех украинским отделениям — Восточно-Украинскому, Западно-Украинскому и Центрально-Украинскому — планировалось проведение не менее 10–12 исследований в год. Я считал, что работать в таком темпе невозможно. Ведь мы в Академии наук всем отделом (там работало более 20 человек) проводили максимум два крупномасштабных (всеукраинских) исследования в год. Я вышел из кабинета Татьяны Ивановны в полной уверенности, что нашему отделению из пяти человек не по силам будет реализовать такие планы. Но каково было мое удивление, когда в следующем 1989 году мы провели не 10–12, как нам планировалось, республиканских исследований, а 18. И уже в последующие годы мы проводили не менее 25 исследований в год.

Был один эпизод, который показал, как Татьяна Ивановна умеет отстаивать свое мнение, как целенаправленно и, главное, корректно она умеет изменить мнение о нашей работе очень влиятельных и уверенных в себе людей. Поскольку нам предстояло работать с Украинским советом профсоюза, а им в то время руководил член политбюро ЦК компартии Украины Виталий Алексеевич Сологуб, Татьяна Ивановна приняла решение лично встретиться с руководством Укрсовпрофа и первым секретарем ЦК КПУ Владимиром Васильевичем Щербичким и решить все организационные вопросы работы украинских отделений ВЦИОМ. И когда эта встреча состоялась, я был поражен, как тактично, последовательно и решительно Татьяна Ивановна решала все вопросы: о нашем помещении, о взаимодействии и помощи со стороны профсоюзов и партийных организаций, об использовании ими результатов полученных нами исследований и пр.

За время работы во ВЦИОМ мне пришлось пересмотреть многое из того, к чему я привык, работая в Академии наук. Во-первых, я перестал всю ответственность перекладывать на свои плечи и тянуть весь “воз” самостоятельно. Каждый сотрудник, работающий в отделении, прекрасно знал свои обязанности и отлично с ними справлялся. Мне оставалось только ненавязчиво контролировать их работу. Во-вторых, пришлось значительно расширить свою профессиональную компетентность, так как деятельность отделения требовала достаточно широких знаний не только в организации и проведении исследований, на чем я раньше специализировался, но и решение вопросов, связанных с обработкой результатов исследований, их интерпретацией и пропагандой этих результатов среди широких масс населения. В-третьих, пришлось научиться взаимодействовать с организациями, в которых мы проводили исследования или в которых мы получали интересующую нас информацию. И здесь я обязан отметить исключительную помощь и поддержку, которую мне повсеместно оказывала Наталья Викторовна Панина (1949–2006).

Б.Д.: Предлагаю вспомнить Наташу Панину. Она недолго работала в вашем центре, но ее вклад весьма значителен. И буду тебе благодарен, если ты попросишь рассказать о ней профессора Евгения Ивановича Головаху.

Николай Чурилов о Наталии Паниной

Я познакомился с Наташей Паниной более 35 лет назад, но впервые начал работать с ней, когда в 1982 году мне предложили изучить социально-психологический климат на Чернобыльской АЭС и отношение сотрудников ЧАЭС

к различным сторонам своей деятельности. Планировалось опросом охватить более 3 тыс. респондентов. Нам предстояло опросить и руководство атомной станции на различных уровнях, и персонал станции: операторов, технический персонал и строителей новых терминалов станции. Провести такую работу и в настоящее время, когда существуют хорошо работающие опросные сети интервьюеров, в одном населенном пункте — достаточно сложно. А в те времена эта работа занимала годы — нужно было подобрать необходимое количество интервьюеров, обучить их, провести вместе с ними несколько контрольных интервью и постоянно контролировать качество их работы. А если еще учесть, что вся эта работа осуществлялась на голом энтузиазме сотрудников отдела социологии Института, то особо желающих постоянно ездить в Припять было немного, а если говорить точнее, их просто не было. Вот тогда я и обратился с просьбой к Наташе Паниной составить мне компанию в поездке на ЧАЭС. К моему удивлению, Наташу уговаривать долго не пришлось, и мое предложение было с радостью принято.

Когда же я увидел, как Наташа работает с интервьюерами-добровольцами, то понял, насколько мне повезло. Наташа подолгу и терпеливо объясняла нашим помощникам, как необходимо себя вести при контакте с опрашиваемыми, на какие моменты в этой беседе необходимо обращать особое внимание, как контролировать ход опроса и прочие детали, которые были очень важны при опросе. Если кто-нибудь чего-то не понимал, то это повторялось дважды, трижды и больше. Никакой раздражительности и, тем более, высокомерия в отношении к этим людям со стороны Наташи не присутствовало. Несколько таких поездок на ЧАЭС убедили меня в том, что Наташа — прекрасный методист и организатор-исследователь. И поэтому, когда в 1988 году создавалось Украинское отделение ВЦИОМ, я предложил Наташе работать в этом отделении моим заместителем.

Четыре года совместной напряженной работы во ВЦИОМ дали прекрасные результаты. Впервые в Украине была сформирована хорошо организованная опросная сеть, на которой нами проводились самые разнообразные методические эксперименты. Это позволило нам разработать четкие правила и подготовить самые подробные инструкции для наших интервьюеров (большинство из которых неизменно остаются с нами и в настоящее время). Тот факт, что Украинское отделение на протяжении четырех лет было одним из лучших в сети ВЦИОМ, — огромная заслуга Наташи.

В начале 1990-х годов, когда события развивались достаточно бурно, по настоянию Наташи Украинское отделение ВЦИОМ провело ряд исследований, позволяющих оценить отношение населения Украины и киевлян к происходящим в стране событиям. Собранная информация незамедлительно сообщалась через СМИ и отдельные публикации в информационных агентствах Москвы и Украины. Постоянное стремление Наташи познать что-то новое в большинстве случаев превращалось в реализацию исследовательских проектов. Самым ярким примером может служить проект “Украинское общество”, который функционирует уже на протяжении 25 лет.

Меня всегда поражала скрупулезность Наташи и ее способность обращать внимание на те мелкие детали, которые большинство моих коллег и я в том числе порой оставляли без внимания. И, как правило, Наташа была права. Часто эти детали могли оказать и оказывали довольно сильное влияние

на процесс сбора информации и получение надежной и достоверной информации.

С Наташей работать было приятно и одновременно тяжело. Она была очень требовательна к себе и к тем, кто с ней сотрудничал. Она прощала ошибки (кто их не допускает), но никогда не прощала расхлябанности и неряшества в работе. Я очень ей был благодарен за тех менеджеров, которые работали с ней в проектах — они все проходили прекрасную школу профессиональной подготовки. Поэтому для меня Наташа Панина навсегда останется образцом профессионализма и исполнительности.

Евгений Головаха

Наталья Панина и ее вклад в становление Центрально-Украинского отделения ВЦИОМ

Когда тридцать лет назад создавался ВЦИОМ, трудно было представить, во что превратится то единое социальное пространство, которое в перестроечные времена призваны были изучать Татьяна Заславская и ее ближайшие московские соратники, опираясь на данные, собранные многочисленными региональными отделениями во всех республиках Союза. История отвела этим отделениям всего несколько лет активной деятельности. Для одного из них — Центрально-Украинского — эти считанные годы оказались чрезвычайно насыщенными и плодотворными. Этому способствовал очень точный, на мой взгляд, выбор руководителя отделения, в чем проявился организаторский талант Татьяны Заславской, которая непосредственно участвовала в подборе кадров на местах. Предложив возглавить Центрально-Украинское отделение ВЦИОМ Николаю Чурилову, она смогла одновременно “убить двух зайцев”.

Чурилов был признанным специалистом по вопросам выборки и массовых опросов. А главное, он, как никто другой в Украине, овладел навыками организации социологической службы, способной использовать новые ресурсы, рожденные перестройкой (идеологические, финансовые, кадровые). Персонал для организации опросов и обработки данных он набрал быстро, а вот кандидатуру на должность ведущего научного сотрудника, который мог бы обеспечивать высокий научный уровень исследований, найти было непросто. Таких специалистов в Киеве было немного, и это были академические ученые, не привыкшие к непрерывной полевой работе и постоянной смене исследовательской тематики. А потому Чурилов обратился к Наталье Паниной, которую знал не только по научным работам, но и по опыту совместных полевых исследований.

Не только социология призывала Наталию Панину, но и сам предмет этой науки — социальная действительность. Когда начались серьезные общественные изменения в СССР, квалифицированные и честные социологи оказались невероятно востребованными. Это был период творческого и общественного взлета Татьяны Заславской, Владимира Ядова, Юрия Левады, их единомышленников и учеников. И в Украине пришло время социологов. Общество остро нуждалось в самопознании, а этого не могло произойти без массовых репрезентативных опросов. Вот где нужен был опыт международных сравнительных социологических исследований, накопленный Наталией

Паниной в Институте геронтологии. И уже в Центрально-Украинском отделении ВЦИОМ она вместе с Николаем Чуриловым создает первую республиканскую опросную сеть и оригинальную выборку, которая и сегодня используется во всех репрезентативных для населения Украины опросах, проводимых Институтом социологии НАНУ. Обществу нужна была общая картина социальных изменений, и Наталия Панина инициирует проведение социологического мониторинга, равного которому по методической оснащенности и систематичности представления результатов по сей день нет ни в одной постсоветской стране. Обществу нужно было, чтобы СМИ и политические функционеры адекватно представляли данные массовых опросов, и Наталия Панина пишет специальную брошюру для журналистов и политиков, с которыми проводит специальные занятия по работе с социологической информацией.

Б.Д.: *Хорошо, что мы вспомнили Наташу Панину...*

Продолжим разговор о ВЦИОМ. Ты не мог бы описать процесс коммуникации с Москвой при получении задания на опрос и отправке результатов опросов... Ведь, насколько я помню, в начале нашей работы было сложно с ксерокопированием, факсами, модемов вообще не было... вам надо было больше времени на подготовку поля, чем российским филиалам, скорее всего, вы переводили анкету на украинский язык...

Н.Ч.: Действительно, процесс коммуникации с Москвой в первое время доставлял нам определенные трудности. Первые несколько месяцев общение происходило на очень примитивном уровне, поскольку кроме телефонов, никаких других каналов связи у нас не было. Нам звонили и предупреждали о начале нового опроса. И мы договаривались о том, на каком поезде и в каком вагоне нам ждать передачи: экземпляр опросника, по которому нам предстояло работать. Как правило, утром мы встречали поезд, получали у проводника документы: опросник, инструкции для интервьюеров, план выборки и пр. Затем в офисе мы быстро переводили опросник на украинский язык, готовили опросники и инструкции для типографии (русские и украинские опросники соотносились в пропорции 60 на 40). Эта рутинная работа занимала у нас не много времени — от силы несколько часов. Поэтому, если мы все документы получали от проводников утром, то к вечеру передавали документы на тиражирование и уже на следующий день получали готовые растиражированные материалы. У нас были хорошо налаженные связи с несколькими типографиями, и они охотно шли навстречу нашим пожеланиям.

С запуском исследований у нас также не возникало много проблем, поскольку, во-первых, мы с Владимиром Паниотто еще в 1985–1986 годах подготовили несколько вариантов выборки для исследований по всей Украине. А во-вторых, как только было принято решение о создании трех украинских отделений ВЦИОМ, мы совместно с Евгением Синицыным и Людмилой Овчинниковой — руководителями Западно-Украинского и Восточно-Украинского отделений ВЦИОМ (а это были уже опытные и хорошо подготовленные социологи) немедленно приступили к созданию всеукраинской опросной сети. Поэтому, когда мы начали активную работу во ВЦИОМ, опросная сеть по всей Украине уже практически была создана. Кстати, ряд бригад этой опросной сети и часть интервьюеров до сих пор работают с нами.

Но это было не самое сложное в нашей работе, ведь еще требовалось всю собранную информацию передать в Москву. А поскольку мы еще не могли переносить всю эту информацию на магнитные носители (был всего один ПК), то приходилось передавать огромные пачки анкет через проводников поездами Киев — Москва. Далеко не все проводники соглашались принять такой груз. Поэтому был вариант — лично сопровождать груз в Москву, где нас встречали сотрудники центра и помогали нам разгрузиться. Так мне пришлось в 1989 году более 20 раз приезжать в Москву с грузом и без. Но, слава Богу, это продолжалось недолго. Уже в конце 1989 года мы приобрели второй компьютер, в это же время у нас появился факс, а в начале 1990 года мы стали обладателями третьего ПК. И начиная с этого времени наш стиль работы резко изменился.

Все образцы опросников и сопутствующих документов, которые нам предстояло размножить и реализовать в исследованиях, мы получали по факсу (электронная почта в то время отсутствовала). Примерно в это же время специалисты из центра поставили на наши компьютеры программное обеспечение, с помощью которого мы могли обрабатывать опросники проводимых нами обследований. И уже нам не требовалось передавать в Москву большие и тяжелые пачки заполненных анкет — мы передавали поездами магнитные носители, содержащие информацию введенных нами опросников. Так организованная работа, во-первых, была интересна и для нас — мы сразу же видели результаты проведенных нами исследований. С другой стороны, это накладывало на нас еще большую ответственность — ошибки наших операторов могли исказить полученные результаты. Но самое главное преимущество заключалось в том, что ВЦИОМ мог гораздо быстрее представить окончательные результаты заказчикам этих исследований, так как меньше времени уходило на рутинную работу — тиражирование документов и обработку полученной информации.

***Б.Д.:** Таким образом, можно ли сказать, что в 1990 году в целом сложилась устойчивая и достаточно надежная система проведения опросов в Украине? На этом этапе сколько “полей” вы делали в течение года? Впрочем, вскоре Советский Союз распался. Ты не помнишь, те или иные квазиобщесоюзные опросы все же проводились, вы продолжали получать заказы на опросы из Москвы или все вмиг закончилось?*

***Н.Ч.:** К 1990 году наши три отделения полностью адаптировались к тем требованиям, которые нам предъявляла дирекция ВЦИОМ, техникой мы были обеспечены достаточно хорошо (в конце 1980-х годов иметь три ПК было достижением), мы часто ездили в Москву на разного рода рабочие совещания, конференции. Поэтому особых затруднений в работе мы не испытывали. И, как я уже говорил, в год мы проводили как по всей Украине, так и в отдельных ее регионах более 20 исследований. Иногда параллельно мы запускали в “поле” два, а то и больше исследований.*

В 1990-м году, когда по всей стране прошла волна митингов и протестов, Украина не оставалась в стороне от этих событий. На Октябрьской площади (в настоящее время это Майдан Независимости) постоянно проходили митинги. Люди высказывали свое отношение к дефициту продуктов и снижению уровня жизни, радикально настроенные группы населения громко заявляли о своем негативном отношении к органам власти и призывали по

примеру Прибалтийских республик объявить о независимости Украины. На этой площади большая группа киевских студентов проводила акцию голодовки в поддержку всех этих требований. Понимая, что ситуация в Украине начала выходить из-под контроля, ЦК Компартии Украины и в Верховный Совет Украины объявили о досрочных парламентских выборах. И это тоже активизировало население страны. В этой связи, понимая, что ситуация в Украине развивается по достаточно неожиданному сценарию, дирекция ВЦИОМ предложила нашим трем отделениям провести ряд опросов среди населения Украины, чтобы выяснить отношение к происходящим событиям, возможность участия в акциях протеста и пр.

Мы провели ряд исследований (причем несколько из них проводились по нашей инициативе) по предстоящим выборам в Верховный Совет республики, где отмечалась возрастающая роль демократически настроенных кандидатов от Народного Руха Украины, возглавляемого Вячеславом Черноволом. Результаты этих исследований нам разрешалось публиковать в средствах массовой информации, и очень часто в этот период мне и моим коллегам приходилось выступать на телевидении и по радио. Такая ситуация оставалась неизменной в конце 1990-го и в течение всего 1991 года. И даже тогда, когда Украина и еще ряд республик Советского Союза объявили о своей независимости, мы (украинские отделения ВЦИОМ, да и весь ВЦИОМ) не прекратили своей деятельности. Мы продолжали проводить исследования среди населения Украины по самым различным вопросам, акцентируя внимание на том, как люди относятся к происходящим в стране событиям, как они оценивают будущие перспективы, каковы политические взгляды населения, рейтинги государственных институтов и отдельных политиков. Все эти результаты нам так же разрешалось предоставлять СМИ. Небольшая часть таких проектов финансировалась с разрешения дирекции ВЦИОМ местными государственными и партийными органами.

В таком режиме мы действовали до начала 1993 года. Но уже в 1992 году мы стали понимать, что наше положение может и должно вскоре измениться и дирекция ВЦИОМ не сможет вечно нас финансово поддерживать. Поэтому в конце 1992-го была создана частная социологическая компания "СОЦИС", которая в дальнейшем продолжила активную исследовательскую деятельность в Украине. Но и создание этой компании и условия ее сотрудничества с центром ВЦИОМ неоднократно оговаривались с Татьяной Ивановной Заславской и Юрием Александровичем Левадой.

И в дальнейшем компания "СОЦИС" и ВЦИОМ неоднократно и плодотворно сотрудничали.

***Б.Д.:** Спасибо, Николай, за очень ценный рассказ о начале становления всесоюзных опросов общественного мнения. Конечно, в разных республиках бывшего Союза практика проведения опросов складывалась по-своему. Но все же существовало некое единство организации, и твой рассказ помогает понять, как это было.*

Борис Зусманович Докторов,

доктор философских наук, профессор, независимый аналитик и консультант, почетный доктор Института социологии РАН